

Айлин Крайт

Мой любимый мятеж

«Автор»

2026

Крайт А.

Мой любимый мятеж / А. Крайт — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад архимаг вырезал старую аристократию, чтобы спасти Империю от вырождения. Теперь он — Кровавый Император, чье лицо скрыто под безликой маской из вороненой стали. Для всего мира — холодный, расчетливый монстр. Но когда наступает ночь, маска снимается. Под ней оказывается уставший мужчина в нелепых бархатных тапочках, который читает дурацкие стихи бродячим котам и выращивает сорняки в императорском саду просто потому, что может себе это позволить. Ведь палачу не нужно держать осанку перед мертвецами. Она этого не знает. Девушка помнит лишь щелчок пальцев человека в железной маске, уничтоживший ее семью во имя «высшего блага». Собрав отряд мстителей, она проникает во дворец, чтобы вонзить кинжал в сердце тирана. План идеален. Если бы дорогу заговорщикам не перегородил сумасшедший. Паяц с глазами цвета небесной синевы, который смеется невпопад, несет околесицу и почему-то идет напрямиком в личные покои Императора вместе с ними.

© Крайт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Айлин Крайт

Мой любимый мятеж

Пролог

Тронный зал Империи пах молнией, старым пергаментом и дорогим парфюмом министра финансов. Запах страха здесь давно выветрился — он слишком нестабилен для идеального государства. Страх имеет примеси: адреналин, аммиак, кислый пот. В присутствии Тирана люди не потеют. Они замирают на вдохе, превращаясь в безупречные восковые фигуры.

Иллэрим сидел на Черном Алмазном Троне, подперев подбородок кулаком. Под тяжелой черной сталью маски без единого отверстия зудела отросшая борода. Бриться самому было лень, а звать цирюльника... Тот бы умер от сердечного приступа еще до того, как занес бритву над венценосной шеей. Приходилось терпеть колючую проволоку волос на шее.

— ...таким образом, логистический коридор через Северные пустоши сократит время доставки провианта на двенадцать процентов, мой Император, — монотонно вещал министр путей сообщения. Его голос был идеально ровным, лишенным интонаций. Идеальный винтик.

Лэрим слушал его затылком. Эхолокация магии давала куда более точную картину мира, чем глаза. Он видел, как дрожит кадык у младшего секретаря (тот съел на завтрак несвежий паштет), как едва заметно пульсирует артерия на виске главного казначея (казначей пытался незаметно поправить накладной карман, где лежала фальшивая отчетность). Казначей думал, что Тиран смотрит на графики экспорта руды. На самом деле Иллэрим считал удары его сердца. Сто сорок два удара в минуту. Патетично. Скука смертная.

Двенадцать лет. Двенадцать лет назад они приносили ему головы мятежных герцогов прямо сюда, бросая их к подножию трона. Воздух тогда искрил от ненависти. Люди были живыми: кричали, плевались, пытались плюнуть ядом или швырнуть кинжал из рукава. Это была восхитительная, кровавая эстетика хаоса.

Теперь они приносят отчеты о дефиците зерна.

Империя стала идеальным механизмом. Золотым веком для прагматиков. Ни голода, ни чумы, ни междоусобиц. Законы работали с точностью хронометра. Серые Плащи устраняли любую аномалию так тихо, что соседи едва успевали моргнуть.

Цена этого порядка измерялась в экзистенциальном ужасе самого Императора.

Люди превратились в цифры. Открытая для него книга их душ теперь читалась как самый унылый гроссбух в истории мироздания. Кредит. Дебет. Погашение. Никто больше не смотрел на него снизу вверх со смесью ужаса и благоговения перед чудом. Теперь смотрели снизу вниз — исподлобья, считая секунды до конца аудиенции. Священный трепет оказался самой эффективной анестезией против жизни. Стерильность дворца убивала его вернее любого заговорщика.

Министр путей закончил доклад и склонился в поклоне, ожидая резолюции.

«Одобрить», — едва слышно шевельнулись губы Тирана. Голос сегодня отдыхал. Слова требовали энергии, а тратить ее на одобрение поставок казалось высшей формой расточительства.

Министры пятились к выходу, соблюдая идеальный интервал в полтора шага друг от друга. Когда тяжелые двери сомкнулись, отсекая последние звуки бюрократического ада, иллюзия абсолютного правителя дала трещину.

Плечи Иллэрима опустились. Хищная грация сменилась усталостью старика, которому просто надоело держать спину ровно. Он провел ладонью по маске, стирая невидимую паутину.

В мыслях не было долга. Не было реформ. Не было даже Арктура — призрак старого друга обычно посещал его именно в такие стерильные вечера, но сегодня память отказывалась работать. Сегодня мысли Иллэрима занимала ботаника.

На границе Гиблых топей, там, где ядовитый туман встречается с редким северным солнцем, распускался лунный мох-скиталец. По всем законам природы это невозможно: грибница должна тянуться к сырости и темноте, а этот цветок тянулся к свету, пробиваясь сквозь солончаки. Лепестки меняли цвет от мертвенно-лилового до болезненно-зеленого каждые семнадцать секунд. Хаос, упакованный в идеальную биологическую форму.

Он мог щелкнуть пальцами. Мог послать роту Серых Плащей или отряд големов-добытчиков. К рассвету корзина этих цветов стояла бы у его кровати. Но мысль об этом вызывала тошноту. Приказ подразумевает исполнение. Исполнение подразумевает рапорт. Рапорт ляжет на стол, покрытый бархатом, и чудо умрет, придавленное гербовой печатью «Исполнено».

Нет. Ил хотел пойти сам.

Хотел утонуть по колено в ледяной грязи ради одного стебля. Хотел почувствовать, как вонючая жижа просачивается сквозь прохудившуюся подошву сапога. Хотел споткнуться о корень и сбить дыхание. Там, в болотах, никто не знает лица Императора. Там нет людей, которые боятся дышать. Там есть комары, жадные до мертвой крови архимага, и пьяные браконьеры, способные обложить трехэтажным матом любое божественное проявление. Именно эта грубость сейчас звучала для него слаще любой симфонии.

Магия внутри тела, всегда натянутая как струна, начала медленно опадать.

Иллэрим поднялся. Черный камзол воронова крыла, в котором не было ни единой складочки, вдруг показался невыносимо тесным футляром. Он подошел к огромному витражному окну, выходящему на столицу. Идеальные квадраты улиц. Одинаковые крыши. Ни одного пожара. Ни одной драки. Только серый, ровный гул спящего механизма.

Впервые за двенадцать лет мысль о прогулке вызвала не аналитический расчет рисков, а простое, почти забытое чувство предвкушения. Предвкушения грязи под ногтями.

Не оглядываясь, он развернулся и пошел в свои личные покои.

Коридоры императорского уровня патрулировались тенями, но Иллэрим двигался быстрее звука собственных шагов. За спиной остался пустой тронный зал, освещенный холодным синим огнем.

В спальне он остановился перед ростовым зеркалом в серебряной оправе.

Он дернул застежку на шее.

Стальная маска отделилась от лица с тихим влажным звуком, обнажая зудящую кожу. Маска легла на туалетный столик с глухим, окончательным стуком.

Из отражения на него смотрело лицо бога. Фарфорово-бледное, идеальное, симметричное. Платиновые волосы стояли дыбом от статического электричества, создавая вокруг головы ореол безумного одуванчика. Глаза цвета чистого зимнего неба потускнели, став обычными серо-голубыми.

Ритуал переодевания занял меньше минуты. Бездонная кладовая памяти подсказала нужный образ. Никаких сложных заклинаний трансформации — лишь легкий сдвиг восприятия. Лицо остается тем же, но меняется само ощущение его присутствия. Божественная статья сворачивается внутрь.

Черный камзол падает на пол тяжелым ворохом. Белоснежная рубаха следом.

Поверх идеальной наготы ложится бесформенная холщовая хламида землистого цвета, пропахшая костровым дымом и чужим дешевым элем. Штаны, обрезанные чуть ниже колена. На ногах — мягкие тканевые туфли разного цвета; левая уже зияет дырой на большом пальце.

Он подходит к секретеру. Достает уголек из шкатулки, где должны лежать платиновые запонки. Подходит к зеркалу снова. Рисует на своем идеальном лице широкую улыбку до ушей — кривую, растягивающую губы до боли. Ставит жирную черную точку-родинку на переносице.

сице. Если спросят прохожие — Император читает отчеты. Изучает дефицит зерна. Можете начинать бояться.

Магия сворачивается вокруг него коконом, искажая пространство спальни. Зеркало идет рябью, преломляя свет. Воздух сгущается, пахнет грозой и мокрой шерстью.

Когда сияние портала рассеивается, комната абсолютно пуста. Лишь на мраморе пола лежит забытая стальная маска императора да придавленный ржавым гвоздем — очередным сокровищем будущего бродяги — клочок пергамента. Почерк убористый, канцелярский:

«Ушёл искать смысл жизни. Вернусь к утреннему докладу. Может быть.

P.S. Если найду — принесу показать.»

Щелчок закрывшегося пространственного разрыва прозвучал в золотой клетке тише падения осеннего листа.

Глава 1

Ночь в Гиблых топях пахла не смертью, как принято было шептать при дворе, а густой, жирной жизнью. Ил стоял по щиколотку в черной жиже, и холодная вода медленно просачивалась сквозь дыру в левой туфле. Ощущение было восхитительным — настоящее, шершавое, требующее внимания к собственному телу, а не к макроэкономике империи.

Небо над головой давно потемнело до цвета запекшейся крови, но для Иллэрима это не имело значения. Ему не нужен был свет звезд или луны. Он видел мир иначе: переплетением тепловых потоков, пульсацией грибницы под землей и электрическими разрядами между листьями хищных папоротников. Магия лениво клубилась вокруг него защитным коконом, отгоняя болотных пиявок и ядовитых мошек, но он почти не управлял ею сознательно. Она работала на рефлексх, пока сознание занималось куда более важным делом.

Он мог бы воздвигнуть себя на платформу из уплотненного воздуха. Мог бы заставить расступиться трясину одним щелчком пальцев. Мог бы просканировать радиус в десять лиг, найти этот проклятый лунный мох по его уникальной сигнатуре и телепортироваться прямо к корням. Но зачем? Поиск цветка магией обесценил бы сам цветок. Это все равно что жениться на статуе — безопасно, чисто, предсказуемо и абсолютно бессмысленно. Ил хотел споткнуться о корень. Хотел вымокнуть. Хотел почувствовать, как вонючая жижа чавкает в такт его шагам.

И она чавкала. Шлеп. Чвак. Плюх. Ритмичная музыка грязи.

Поначалу тишину нарушал только одинокий голос заблудшего грибника где-то у кромки леса — мужик орал во всю глотку имя своей собаки, поминая демонов бездны и обещая жене выдрать ноги за то, что та дала ему дырявую корзину. Ил проводил его взглядом, чуть сместив спектр зрения, чтобы разглядеть трепещущий огонек масляной лампы вдалеке. Когда крик стих, растворившись в тумане, лес вздохнул с облегчением. Прекрасно. Теперь они были наедине.

Тишина здесь была многослойной. Глухой гул насекомых. Редкий всплеск крупной рыбы в темной воде. И главное — сверчки. Миллионы крошечных скрипачей настраивали свои инструменты в осоке. Ил замер, склонив голову набок, словно прислушиваясь к симфонии. Его губы тронула улыбка — настоящая, без намалеванного углем безумия. Уголок рта дернулся вверх гораздо выше нарисованной кривой линии.

— Сверчок-старичок... — пробормотал он себе под нос. — Залез ко мне в башмачок. Башмачок сказал «чмок»...

Рифма вышла отвратительной. Дешевой, плоской, лишенной той искры абсурда, которой он дорожил больше короны. Поэзия требует изъяна, но не такого же откровенного брака. Ил раздраженно фыркнул, выпустив облачко пара в холодный ночной воздух.

Он побрел дальше, высоко поднимая колени. Вода доходила уже до середины икр. Каждый шаг отдавался приятной вибрацией в костях. Котомка из грубой мешковины, перекинутая через плечо, раздувалась и мелодично позвякивала. Ил собирал свою новую империю мелочей. Все, что привлекало взгляд своей неправильностью:

Сизое воронье перо, торчащее из спины мертвого кулика под странным углом — будто птица умерла в момент эпилептического припадка. В котомку.

Корень мандрагоры-мутанта, который извивался, пытаясь уползти глубже в ил, когда Ил поддел его мыском туфли. Архимаг осторожно выкопал его голыми руками, очистил от слизи и сунул за пазуху. Корень тут же обвился теплом вокруг ребер, принимая температуру тела. Отличный собеседник.

Стеклянный шарик, гладкий и зеленый, явно выточенный человеческой рукой, но почему-то лежащий посреди дикой топи. Возможно, глаз какой-нибудь древней статуи. Или

игрушка утонувшего ребенка. Ил покатал его на ладони, любуясь преломлением света внутри, и бережно опустил в карман хламиды.

Его пальцы постоянно двигались. Он касался всего: липкой коры плакучих ив, холодного панциря задремавшей черепахи, бархатного мха, похожего на плесень на забытом сыре. Поправлял съехавшие листья на гнилом бревне, словно заправляя одеяло больному. Люди сочли бы это безумием, но здесь, в темноте, это казалось единственно верным способом заземления.

Лунный мох упорно прятался.

Ил знал эти места лучше любого следопыта — еще двенадцать лет назад, планируя Великую Чистку, он лично прочертил маршруты патрулей Серых Плащей именно через эти гиблые зоны, используя их как естественные границы своих провинций. Он чувствовал саму суть болота. Знал, где дно становится твердым, а где уходит в бесконечность. Но природа отказывалась подчиняться даже его абсолютному контролю. Цветок будто играл с ним в прятки.

— Ну хорошо, — прошептал он, обращаясь к зарослям камыша. — Давай усложним правила. Ты прячешься от меня? Смело. Но глупо. Чего ты хочешь этим добиться?

Камыш молчал, лишь шелестя на ветру.

Ил снова засвистел. Мелодия получалась рваной, нервной — ритм сбивался каждый раз, когда нога проваливалась в скрытую под водой яму.

Внезапно правая нога потеряла опору. Ил ушел в грязь по колено раньше, чем успел среагировать. Холод сковал мышцы. На секунду лицо исказилось гримасой чистого, детского раздражения. Он нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, зацепился полкой хламиды за острый сук и услышал треск ткани.

— Демонова печень! — вырвалось у него искреннее ругательство. Никакого ледяного шепота, только глухой, булькающий бас человека, утопившего лучшую часть гардероба в экскрементах природы.

Выдернув ногу с громким чавканьем, он обнаружил, что правый тканевый ботинок остался в трясине. Ил пошарил ногой вслепую, нащупал подошву пальцами босой ступни и торжествующе вытащил его. Ботинок напоминал ком сырого теста.

Пока он отмывал обувь в относительно чистой луже, взгляд зацепился за движение. Совсем рядом, на кочке, покрытой серебристым налетом. Не свечение магии, нет — мягкое, пульсирующее сияние самой жизни. Лепестки меняли цвет от мертвенно-лилового до болезненно-зеленого каждые семнадцать секунд. Хаос, упакованный в биологическую форму.

Лунный мох нашел его сам. Растение издевательски качнуло единственным стеблем, словно салютуя побежденному императору.

Ил перестал чистить ботинок. Он медленно присел на корточки перед цветком, игнорируя тот факт, что мокрая холщовая штанина мгновенно примерзла к колену. Он смотрел на растение так, как ребенок смотрит на пойманную бабочку.

— Ах вот ты где, маленький ублюдок, — выдохнул он с нежностью. — Семнадцать секунд. Математически безупречно. Но кто считал?

Протянув руку, он коснулся кончиком пальца холодного, влажного лепестка. Магия внутри него, обычно представляющая собой бушующий океан, сейчас сжалась в теплый, мягкий шар размером с кулак. Абсолютный контроль над материей позволял ему разобрать цветок на атомы, не повредив ни единой клетки. Но вместо этого Ил просто сидел в холодной грязи посреди Гиблых топей, прижимая к груди спасенный из трясины ботинок, и глупо, счастливо улыбался темноте. Предвкушение грязи под ногтями сменилось ее триумфальным наличием.

1.1

Лунный мох пульсировал в его пальцах, словно крошечное, испуганное сердце. Ил сидел на корточках так низко, что болотная вода подбиралась к самому краю рваной хламиды. Идеальная форма цветка завораживала: пять лепестков, каждый из которых жил своей жизнью, меняя оттенок с мертвенно-лилового на болезненно-зеленый ровно за семнадцать ударов пульса самого Иллэрима.

Он уже занес вторую руку. Большой палец едва касался стебля у самой земли, готовясь аккуратно перекусить его ногтем — никакого насилия металла, только органика. Магия архимага не бушевала вокруг штормом, она вела себя как кошка: мягко просачивалась сквозь поры растения, скользила по стеблю, щекотала клеточные мембраны. Ил наслаждался этим моментом. Он смаковал структуру хлорофилла, причудливый танец ионов внутри тканей, ту самую «Золотую гниль» жизни, которую он когда-то хотел выжечь каленым железом ради чистоты мира. Сейчас эта гниль была прекрасна именно своей несовершенностью.

«Лунный мох в грязи засох...» — начал было насвистывать он, но мелодия тут же споткнулась. Рифма предательски ускользала. Засох — издох? Плох? Слишком просто. Поэзия требовала изъяна, но не такой откровенной пошлости. Ил раздраженно цокнул языком.

И в этот момент его маленький мир испортили.

Где-то в четверти лиги к западу сухая ветка хрустнула под тяжелой подошвой. Не сломалась с треском падения дерева, а именно хрустнула — жалко, неуместно. Раздражение вспыхнуло мгновенно, горячее и кислое, поднявшись от желудка к горлу. Люди. Вечно они портят момент абсолютного счастья своим топотом, запахом дешевого мыла и звоном плохо закрепленной амуниции.

Ил позволил этому чувству пройти сквозь себя, не цепляясь. Он выше этого. Он — тот, кто держит само время за горло своими семнадцатью секундами смены цвета. Какое ему дело до чьих-то неуклюжих сапог?

Хруст повторился. Ближе. Теперь звук сопровождался шелестом раздвигаемого камыша — тяжелым, рваным. Кто-то продирался напролом, совершенно не заботясь о скрытности.

— Левее бери! — голос был низким, надсадным, привыкшим командовать в открытом поле, а не шептать в тумане. — Сказал же, там тверже!

Ил медленно выдохнул через нос. Теплый воздух коснулся лепестков мха. Четыре тела. Нет, поправил он сам себя, считывая вибрации почвы. Пять. Идут клином. Дистанция между ними неравномерная — двое впереди, трое отстают. Слишком профессионально для заблудившихся грибников.

Они тоже хотят найти лунный мох? Опоздали. Император не собирался делиться своим сокровищем ни с алхимиками Короны, ни с черными копателями. Цветок предназначался для того, чтобы сгнить в его котомке среди ржавых гвоздей и битого стекла.

Сквозь шум листвы и собственное размеренное дыхание до него донеслись обрывки фраз. Ветер дул удачно, принося слова прямо в левое ухо.

— ...говорю тебе, мы кругами ходим! Третий раз мимо той кривой ели! — снова первый голос, властный. Судя по тяжести шага и тому, как трещит земля — рыцарь или латник. Закованный в металл идиот посреди Гиблых топей. Прекрасный способ самоубийства.

Ему ответил другой тон — тихий, вибрирующий, холодный, как сталь кинжала перед ударом:

— Ты ходишь кругами, потому что твой топот распугивает птиц. Я не заблудилась. Просто ваши сапоги мешают мне слушать лес.

Эльфийка.

Уголок рта Ила дернулся вверх в кривой усмешке. Презрение плеснуло желчью, но оно было почти академическим, холодным. Эльфы. Древняя раса снобов, которые кичатся единением с природой, пока их кланы вырезают Серые Плащи во имя имперской стабильности. Она слушает лес? Пусть послушает, как пахнет ее собственная фальшь. От нее несет горьким миндалем — цианид, любимый яд ушастых убийц. Тоже мне, дитя природы.

Сбоку, где почва была чуть суше, послышалось недовольное пыхтение. Густой, басовитый вздох, сопровождаемый металлическим лязгом.

— Если я сейчас уроню абак в эту жижу, Бреннан, ты лично будешь выковыривать шестеренки из ила до конца своих дней, — пробурчал третий голос. Низкий, резонирующий. Гном. Что за нелепая химера собралась в этих болотах? Рыцарь, эльфийская отравительница и гном. Странная компания. Очень странная.

Внезапно шаги стихли. Наступила звенящая тишина, прерываемая только писком комаров. Ил замер, превратившись в часть ландшафта. Его магия свернулась плотнее, искажая свет вокруг фигуры — любой случайный взгляд увидел бы лишь еще один поросший мхом валун.

— Тихо! — шикнул четвертый голос, молодой и ломающийся. — Вы слышите? Там кто-то свистел.

Свистел? Ах да. Ил действительно пытался подобрать рифму минутой ранее. Видимо, оставил звуковой след.

— Свистел? — недоверчиво переспросил гном. — Или это у тебя в ушах звенит от недосыпа, Эзра?

— Да нет же! Там определенно кто-то есть! — радостно, слишком громко для ночной охоты воскликнул юноша. — Значит, мы вышли к поселению! Или хотя бы к браконьерам! Эй! Уважаемый! Кто бы вы ни были!

Ил медленно прикрыл глаза. Лицевые мышцы, сведенные привычной маской отрешенности, расслабились окончательно. Ему на плечо бесшумно опустилась огромная древесная жаба. Он машинально погладил ее перепончатую голову указательным пальцем. Жаба моргнула золотым глазом и осталась сидеть.

Мысль о том, чтобы сорвать цветок одним резким движением, швырнуть добычу в котомку и раствориться в портале, мелькнула на периферии сознания. Легкое решение. Щелчок пальцев. Стерильная победа. Но уходить не хотелось. Это означало бы признать, что эти пятеро — кем бы они ни были — смогли испортить его вечер. А они даже не начали стараться.

Он дал им еще десять секунд. Ровно столько потребовалось, чтобы сухие ветки затрепщали уже совсем близко. Ил лениво поднял голову, глядя на приближающиеся силуэты сквозь ресницы. Лунный мох продолжал мерцать в его ладони, отбрасывая лиловые отсветы на бледные пальцы.

Пусть подойдут. Спрашивать дорогу у бродяги в лохмотьях — это ведь самый логичный поступок для отряда вооруженных головорезов, заблудившихся в трех соснах от границы. Ил удобнее перехватил стебель цветка большим и указательным пальцами, оттягивая момент среза. Он хотел досмотреть спектакль до конца. Ужин мог и подождать.

1.2

Первым из зарослей вывалился рыцарь. Его помятый нагрудник был заляпан грязью почти до самого горла, а светлые волосы слиплись от пота в неопрятный хвост. За ним, ступая бесшумно, как тень на охоте, выскользнула эльфийка — ее ядовито-зеленые глаза обшаривали полумрак быстрее, чем мозг успевал обрабатывать картинку. Следом, тяжело дыша и прижимая к груди массивный абак, появился гном. Замыкали процессию бард, чья лютня билась о спину в такт дрожащим коленям, и...

Ил перестал дышать.

Последней шла девушка. Она откинула капюшон плотного дорожного плаща, чтобы смахнуть испарину со лба, и свет луны упал на ее лицо. Темные волосы, выбившиеся из небрежной косы, упрямый подбородок, чуть вздернутый нос... И глаза. Цвета жженой карамели, оплавленной по краям гневом.

Риза де Мортейн. Крестница. Сирота, ведь её отца он убил собственными руками тринадцать лет назад. Девочка, которую он тайком оберегал все эти годы, подсылая нужных врачей и отводя взгляды Серых Плащей, но никогда не приближаясь лично.

Она была живым напоминанием его первого, идеального падения. Убийства во имя милосердия, которое пахло болью и остановившимся сердцем друга.

Для отряда же картина выглядела иначе. Из-за поросшего мхом валуна, прямо посреди черной топи, где земля уходила из-под ног каждые три шага, сидел старик. Самый настоящий деревенский дед: всклокоченная седая борода спускалась ему на грудь, сливаясь с меховым воротником рваной хламиды. На переносице углем была нарисована кривая родинка, а улыбка намалевана так широко, что уголки губ наверняка трескались. Ил мысленно застонал. Проклятая борода. Он забыл сбрить ее перед выходом, рассчитывая на маскировку, а теперь этот пушистый кошмар вероятно состарил его в их глазах лет на сорок.

— Доброй ночи, птенчики, — проскрипел Ил, когда рыцарь инстинктивно положил ладонь на рукоять меча. Голос звучал низко, надтреснуто, идеально имитируя ревматизм. Ил пошевелил пальцами босой ноги, торчащей из дырявой туфли. — Заблудились? Это бывает. Я вот вчера потерял правый глаз, искал его три часа под лавкой. Оказалось, просто веко тяжелое стало.

Гном первым нарушил шокированное молчание. Его уши покраснели от натуги:

— Ты кто такой, старый гриб? Это пограничная зона Короны. Здесь бродяг вешают без суда.

— О, суд! — всплеснул руками Ил. Магия лениво качнулась вокруг него, заставив ближайшие камыши склониться в поклоне. — Обожаю суды! Особенно ту часть, где судья падает лицом в пудинг. Справедливость должна быть липкой. Вы любите пудинг? Я предпочитаю грязь. В ней меньше формальностей.

Эльфийка сделала шаг вперед. От нее пахло горьким миндалем и угрозой. Она вероятно оценивала расстояние для броска кинжала.

— Почему ты здесь один? Ночью? Без оружия?

— Лук и стрелы тонут, дорогуша, — доверительно сообщил Ил, глядя снизу вверх. — А сталь ржавеет. Мой единственный клинок — это язык, да и тот сегодня заплетается. Сверчок внутри меня умер от скуки, пока я вас ждал. Тридцать секунд тишины — это слишком долго для вселенной, вы не находите?

Он перевел взгляд на рыцаря. Тот смотрел на него с нескрываемым подозрением человека века, который привык иметь дело с безумными ветеранами или одержимыми.

— Мы ищем тропу к Сухому Клыку, — голос рыцаря прозвучал глухо. — Проводник нужен. Возьмешься?

— Взяться можно за юбку трактирщицы, — парировал Ил, почесывая щеку. — А дорогу нужно любить. Она дама капризная. Если пойдете за мной — обещайте наступать только на мои следы. Ваши сапоги орут громче, чем Эзра после визита к зубодеру.

Бард уронил лютню. Инструмент жалобно звякнул колками.

— Вы знаете мое имя? — прошептал юноша, бледнея.

— Я знаю имена всех сверчков в этом лесу, — Ил пренебрежительно махнул рукой. Он и впрямь как то давно видел этого мальчишку выступающем в трактире. — Твои песни режут слух хуже ржавой пилы, мальчик. Но энтузиазма в них на целую гильдию самоубийц.

Пока они переваривали эту дерзость, Риза наконец вышла из-за спин спутников. Ее рука лежала на наверху короткого клинка у пояса. Лицо было бледным, но решительным. Та самая девочка, что пряталась за углом кабинета своего отца, выросла в загнанную, злую волчицу.

— Хватит паясничать, дед, — отрезала она. Голос у нее оказался низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости. — Либо ведешь, либо мы проверим, умеет ли твой язык завязываться узлом. Где ближайшее поселение?

Риза прищурилась, всматриваясь в его лицо сквозь спутанные пряди собственных волос. Уголек на переносице Ила смазлся от пота, превратившись в нелепое черное пятно. Нарисованная улыбка под светом луны вдруг показалась не маской блаженного, а оскалом черепа.

Девушка смотрела на линии его лица. На платиновые волосы, даже сейчас, покрытые болотной трухой, стоящие редким «одуванчиком». На фарфоровую кожу, которая не могла принадлежать ни одному нормальному бродяге в этих гиблых землях.

Ил затаил дыхание. Время пошло. Раз. Сердце Ризы пропустило удар. Два. Ее пальцы побелели на рукояти кинжала. Три. Она открыла рот, готовясь закричать одно единственное слово, которое разрушит двенадцать лет его анонимности.

Внутри Иллэрима что-то щелкнуло. Вместо того чтобы окаменеть, превратить лицо в ледяную маску и уничтожить свидетелей, магия внутри него взбунтовалась. Иллюзия угрозы рассыпалась в пыль.

Его губы дрогнули. Нарисованный углем изгиб пополз выше, преодолевая границу карикатуры.

Ил рассмеялся.

Это не был истеричный смех сброса пара, которым он обычно прикрывал тремор пальцев. Не было и мертвого шелеста. Это был чистый, искренний, абсолютно ненормальный хохот бога, которому показали зеркало. Он смеялся над абсурдностью мироздания. Над тем, что судьба привела к нему именно ее. Единственную свидетельницу его тихого убийства. Единственного человека в империи, чей моральный компас работал без сбоев, потому что он был сломан ровно в той же точке, что и его собственный.

Отряд замер. Рыцарь схватился за меч уже обеими руками. Гном попятился, выставив перед собой абак, словно щит. Даже эльфийка отступила на полшага, потеряв свою смертоносную уверенность перед лицом внезапного, сотрясающего болото веселья сумасшедшего.

Ил согнулся пополам, хватаясь за живот, слезы выступили на его ярко-голубых глазах. Он хохотал, раскачиваясь на пятках, разбрызгивая торфяную воду.

— Ох, нет... — выдохнул он, наконец справившись с приступом и утирая слезу тыльной стороной ладони, оставляя на щеке грязный след. — Только не Сухой Клык. Там отвратительный эль. Пахнет отчаяньем казначея и несбывшимися мечтами.

Он посмотрел прямо на Ризу. Их взгляды встретились. Карамель против зимнего неба. Ни тени узнавания в ее глазах — только крайнее раздражение и страх перед буйнопомешанным. Она видела лишь старого шута, который внезапно сошел с ума окончательно.

Впервые за двенадцать лет кто-то смотрел на него снизу вверх не из страха перед императором, а из опасения получить клюкой по хребту.

Решение пришло мгновенно, вспышкой сверхновой, пугая своей абсолютной неправильностью. Аналитическая часть мозга Лэрима вопила об опасности. Пятеро вооруженных людей. Один из них — ассасин. Одна — дочь убитого им врага. Идеальная возможность для мученической смерти. Именно то, зачем он сюда пришел.

Но Ил хотел жить. Впервые за долгие годы — по-настоящему, грязно и больно.

Он резко оборвал смех. Лицевые мышцы расслабились, стирая всякую карикатурность. Перед ними больше не сидел юродивый. Перед ними стоял человек. Странный, босой, перепачканный в грязи, но бесконечно живой.

Ил медленно поднялся на ноги. Вода стекала с его хламиды ручьями. Он сделал шаг вперед, выходя из-за валуна на открытое пространство.

— До Сухого Клыка отсюда два дня пути через топь, кишашую гнильцами, — произнес он своим обычным голосом, глубоким и спокойным, в котором не осталось и капли старческого скрипа. — Если ваш рыцарь продолжит греметь тазом на пояс, нас сожрут еще до заката. Эльфийка права, кстати. Ваш топот распугивает всю рыбу.

Он перешагнул через лужу, подходя ближе. Риза рефлексивно дернулась, обнажая лезвие. Ил проигнорировал сталь. Он остановился в трех шагах от нее, склонив голову набок, и осмотрел отряд целиком — с головы до ног, цепко, быстро, запоминая каждую деталь экипировки, каждый синяк под глазами, каждую прореху на одежде.

— Меня зовут Ил, — сказал он, впервые произнося свое прозвище не как маску, а как имя. — И если вы перестанете пытаться проткнуть мне печень, я могу провести вас напрямик. Через логово болотного тролля. Там очень живописно, а сам хозяин нынче в депрессии и гостей ест неохотно. Ну так что? Кто-нибудь хочет пудинга?

1.3

Молчание отряда повисло над топью тяжелым, звенящим колоколом. Ил не смотрел на них. Его внимание, сбитое внезапным появлением Ризы, медленно возвращалось к объекту его паломничества. Для пятерых заговорщиков время тянулось липкими секундами ужаса и недоумения. Для Ила оно сжалось в точку абсолютной концентрации.

Он опустился на одно колено прямо в черную воду, игнорируя ледяной укус трясины. Лицо снова стало отстраненным, почти благоговейным. Нарисованная углем улыбка стерлась сама собой — просто кожа под ней расслабилась, вернув лицу ту самую пугающую, фарфоровую симметрию.

Ил чуть склонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то внутри стебля.

«Они шепчутся», — лениво отметил про себя Лэрим, но Ил задвинул его обратно в клетку скуки. Боже, они серьезно думают, что они тихие?

Для обычного человека их маскировка была безупречна: эльфийка ступала по мху, не проминая его; рыцарь старался дышать через раз; гном вообще перестал двигаться, превратившись в соляной столп с абаксом. Но для архимага болота вокруг них кричало.

Ил слышал это так же ясно, как собственное сердцебиение:

Латник дышит слишком ровно. Он пытается контролировать диафрагму, но металл старой кирасы едва слышно потрескивает от напряжения грудных мышц. «Это ловушка. Сумасшедший дед посреди болот? Однозначно западня».

Воздух вокруг эльфийки стал плотнее, холоднее — она активировала внутренние резервы, готовясь метнуть кинжал. От кожи пахло адреналином. «Глаза неестественно яркие. Это иллюзия или мутация. Если он дернется — убью».

Гном же и вовсе дышит часто и мелко. Ил «видел» сквозь туман дрожь пальцев, сжимающих край бороды. «Если это маг Короны, нас уже поместили. Нужно предложить золото. Золото любят все».

Эзра самый громкий из всех, несмотря на отсутствие слов. Струны его лютни вибрировали мелкой дрожью, передавая панику хозяина. Сердце барда стучало стаккато. «Я должен записать этот ритм. Так звучит безумие... О боги, почему я думаю о музыке, когда нас хочет сожрать бродяга?»

Но апогеем акустического кошмара стала Риза. Она стояла ближе всех. Ее губы не шевелились, но челюсти были плотно сжаты. Ил уловил высокочастотный свист — звук крови, пытающейся пробиться сквозь спазмированные сосуды шеи. Она узнала силуэт? Узнала платиновый пух волос. Узнала линию плеч. Ее мозг сейчас пытался сопоставить грязного старика в

лохмотьях с мраморными статуями во дворце и детскими ночными кошмарами. Когнитивный диссонанс плавил ей предохранители.

— У него глаза ненормальные, — прошелестел голос Эзры, который бард ошибочно принял за беззвучный шепот. Для Ила это прозвучало как удар гонга.

— Заткнись, — синхронно выдохнули латник и эльфийка.

Ил позволил уголкам своих губ дрогнуть в полуулыбке. Он сделал вид, что полностью поглощен цветком. Магия больше не текла бурным потоком — она превратилась в тонкую хирургическую иглу.

Его указательный палец левой руки коснулся основания стебля лунного мха, мягко отводя в сторону соседний лист осоки. Правая рука приблизилась сверху. Никакого ножа. Никакой грубой силы. Ил ненавидел разрыв тканей металлом там, где можно обойтись точностью. Он прижал большой палец к стеблю чуть ниже лилового венчика. Ноготь — идеально чистый, вопреки всей грязи похода, твердый, как алмазное стекло — уперся в сочленение клеток.

Он начал давить. Не вниз, а вдоль волокон, миллиметр за миллиметром раздвигая их. Это было похоже на развязывание морского узла одной нитью. Внутри растения пошел легкий, невидимый глазу сок. Ил прикрыл веки, вслушиваясь в биохимию смерти. Цветок не сопротивлялся. Он отдавал свою короткую болотную жизнь в руки того, кто ценил процесс выше результата.

Щелк.

Тончайшая кожа стебля лопнула. Лунный мох отделился от корневой системы. В нос ударил запах сока, мокрой земли и чего-то сладко-горького, напоминающего миндаль. Ил бережно, двумя пальцами поднял цветок. Лепестки тут же начали менять цвет медленнее, переходя в глухой траурный фиолетовый — реакция на отделение.

— Я знал, что ты меня дождешься, — тихо прошептал Ил растению. — Ты слишком хаотичен, чтобы подчиняться формулам дворца. Мы с тобой одной крови — ты и я. Нас обоих считают сорняками в идеальном саду.

Пока он вел этот интимный диалог с флорой, спор за его спиной перешел в фазу открытой перепалки, не приглушенной даже страхом быть услышанными.

— Мы не пойдем за ним! — шипел латник. Свет от его волос делал рыцаря похожим на призрака в тумане. — Вы видели, как он двигался? Как он появился? Ни один ветеран патрулей не знает этих троп настолько, чтобы сидеть посреди самой глубокой лужи сухим... относительно. Это засада. Серые Плащи используют ментальную магию, чтобы казаться безвредными!

— Засада, которая выглядит как обоссанный бомж? — огрызнулась Риза. Голос ее предательски дрогнул на высокой ноте. Она злилась на саму себя за испуг. — Посмотри на его одежду, Бреннан. Это гниль десятилетней выдержки. На нем нет знаков различия. Нет магии контроля разума, я бы почувствовала. Он просто чокнутый местный. А нам нужен проводник. Топи ночью убивают даже эльфов, если те наступают не туда.

— Эльфов убивают стрелы, если те идут рядом с людьми, которым велели молчать, — процедила эльфийка. Ее зеленые глаза буквально светились в темноте, впившись в затылок Ила. — Мне не нравится его спина. Она слишком прямая для старика.

Гном громко сглотнул. Звук был подобен падению камня в колодец.

— Я насчитал семь видов плесени на его левом плече, — просипел он. — Настоящая плесень. Живая. И он на ней сидит. Кто способен терпеть грибницу на собственной одежде часами? Только либо святой, либо мертвец. Святые обычно не рисуют себе родинки перед тем, как идти в сортир. Я за то, чтобы дать ему золотой. Если он нас съест — значит, такова наша участь.

Ил вздохнул. Глубоко, шумно, наслаждаясь вибрацией собственных легких. Он аккуратно уложил лунный мох в широкий внутренний карман своей бесформенной хламиды. Цветок тут же обвил теплом ткань изнутри, устраиваясь поудобнее. Архимаг похлопал по карману ладонью, успокаивая растение.

Затем он медленно, всем телом, развернулся к отряду. Движение было лишено хищной грации тирана и суетливости идиота. Оно было просто... человеческим. Уставшим.

Спор оборвался на полуслове. Пять клинков, пять рук на эфесах, пять пар расширившихся глаз встретили его взгляд.

Ил стоял по колено в черной воде. С его рваного подола стекала торфяная жижа. В бороде запуталась маленькая зеленая лягушка, которая теперь возмущенно квакнула и попыталась выпрыгнуть. Платиновые волосы стояли дыбом, подсвеченные внутренним сиянием — магия отреагировала на смену настроения хозяина, выдавая его истинную мощь любому, кто умел смотреть. Люди перед ним не умели.

Он окинул их долгим взглядом. Рыцаря. Убийцу. Счетовода. Барда. И Ризу, чья ненависть к тирану боролась сейчас с банальным желанием выжить этой ночью.

— До Сухого Клыка вы не дойдете, — произнес Ил своим настоящим голосом. Тем самым глубоким баритоном, от которого двенадцать лет трепетали министры. Сейчас в нем не было угрозы, только бесконечная, смертельная усталость. — Там мост рухнул еще в прошлом году. Империя экономит на гвоздях для окраин. Очень недальновидно.

Он шагнул к ним, высоко поднимая ноги, чтобы не создавать лишних брызг. Вода раступалась перед ним сама, образуя сухую дорожку из уплотненного ила.

— Меня всё так же зовут Ил, — повторил он, останавливаясь на границе твердой земли. — И вам чертовски повезло, что вы врезались именно в меня, а не в гнездо черных аллигаторов. Они крайне нелестно отзываются о творчестве вашего барда. Ну так что? Идём?

1.4

Пять пар глаз смотрели на него с разной степенью недоверия. Бреннан держал руку на мече так, словно тот был единственным якорем в этом бредовом вечере. Эльфийка напоминала натянутую тетиву — одно неверное слово, и кинжал полетит быстрее мысли. Гном прижимал к груди свой абак, как мать младенца, вероятно подсчитывая в уме стоимость потраченного времени. Эзра просто выглядел так, будто его профессиональная гордость только что упала в грязь и умерла от стыда.

Ил обвел их взглядом, полным искреннего гастрономического интереса, словно решая, кого из них приправить первым. Затем он медленно растянул нарисованные углем губы еще шире. Уголок треснул, пачкая щеку черной крошкой.

— Ну вот и славно! — воскликнул он голосом, который никак не мог принадлежать человеку, минуту назад говорившим баритоном палача.

Серьезность слетела с него, как сухая листва под порывом урагана. Ил звонко хлопнул в ладоши прямо перед носом опешившего рыцаря. Хлопок прозвучал сухим треском ломающейся ветки, эхом разойдясь по топи. В ту же секунду плечи Иллэрима расслабились, спина сгорбилась в привычном, почти старческом жесте, а магия вокруг него сменила цвет с холодного сапфирового свечения на теплый, желтоватый свет болотных огней.

Он развернулся и пошел прочь. Но это не был тяжелый шаг проводника, прощупывающего дно. Ил чуть пританцовывал. Он переступал с кочки на кочку вприпрыжку, высоко задвигая колени, периодически взмахивая руками для равновесия, словно огромная, нелепая цапля. Он начал насвистывать — бодрый, совершенно идиотский мотивчик без начала и конца. Свист отражался от клубов тумана, создавая иллюзию целого хора безумцев.

— Эй! — голос Бреннана разрезал болотную симфонию. — Дед!

Ил даже ухом не повел. Его тело продолжало двигаться в сложном ритме «два шага вперед, один прыжок вбок над лужей». Дед? Мысленно возмутился Иллэрим. Ему сорок пять лет! Да, борода добавляет массивности челюсти, но называть «дедом» существо, способное вскипятить этот океан грязи одной мыслью...

— Эй! — повторил рыцарь громче, делая шаг следом. — Куда ты прешь?!

Ил продолжал скакать, размахивая руками. Тогда подал голос гном. Он откашлялся, прочищая горло от торфяной пыли.

— Ил! — позвал он. Голос гнома звучал чуть смущенно, но твердо. Имя далось ему нелегко — обращаться к бродяге по имени, когда инстинкты кричат бежать прочь, было противно природе любого существа. — Ил, подожди. Нам бы отдохнуть. Ноги уже... эм... ищут сочувствия. Есть тут место для ночлега? Сухое?

Танец оборвался мгновенно. Ил замер на одной ноге, балансируя над черной жижей, и медленно обернулся через плечо. Серьезность вернулась лишь на долю секунды — блеснули ярко-голубые глаза, оценивающие ситуацию. До рассвета семь часов. Температура падает. Если они промокнули до нитки сейчас, к утру лихорадка свалит минимум двоих.

Мышцы лица снова смягчились. Ил кивнул, указывая подбородком куда-то вправо, где туман казался чуть менее густым.

— За теми кривыми ивами есть старая бобровая запруда, — сообщил он будничным тоном, возвращаясь к своей шаркающей походке. — Бобров съели три года назад во время Великого Поста, плотину никто не чинит. Наверху сухо, снизу сыро. Идеальный компромисс для компании, которая не может договориться ни о чем.

Не дожидаясь ответа, он свернул с едва заметной звериной тропы. Теперь он шел неторопливо, засунув руки глубоко в карманы хламы, и напевал себе под нос новую импровизацию:

— Жил-был в топах карлик-гном,
Спал он стоя под мостом.
Если гном хотел тут спать,
Шестеренки стали вспять,
Крыться ржавчиной опять!

Из-за спины раздался возмущенный крик. Гном побагровел так, что даже зеленоватое свечение мха не могло скрыть прилив крови к лицу.

— Мои шестеренки ходят строго по часовой стрелке! — прошипел гном, перепрыгивая через поваленное бревно. — И я никогда не сплю под мостами! Что за чушь!

Эзра, продираясь сквозь цепкую лозу, тихо проворчал, настраивая лопнувшую струну лютни:

— Это самые ужасные стихи, что я слышал за свою жизнь. Ритм хромает сильнее пьяного огра, а рифма... «гном-мостом»? Seriously? Я студент Академии Искусств, и меня оскорбляет само присутствие этого вербального мусора в радиусе слышимости.

— О, мальчик плачет, потому что его люшня знает правду лучше головы, — не оборачиваясь, пропел Ил. — Твоя проблема, Эзра, в том, что ты пытаешься написать Эпос. А мир спасают не эпосы. Мир спасают плохие частушки, спетые вовремя.

Бреннан тяжело вздохнул, переходя вброд очередную заводь. Вода заливалась в голенища его сапог.

— Мы нашли сумасшедшего, — констатировал он в пустоту. — Мы добровольно идем за человеком, который разговаривает с грибами и пишет стихи про грязь.

— Зато мы все еще сухие, — ровно заметила эльфийка, появляясь из тени прямо за спиной рыцаря. От неожиданности Бреннан отпрыгнул, выругавшись, и схватился за меч. Она проигнорировала его реакцию, ее взгляд был прикован к спине Ила. — И патрули Серых Пла-

щей обходят стороной тех, кто выглядит слишком жалко для допроса. Работай с тем, что есть, рыцарь.

Весь отряд, скрипя зубами, кольчугой и суставами, двинулся вслед за ним. Они перешагивали через гниющие коряги, проваливались в ил и пытались сохранить остатки достоинства.

А впереди, метрах в десяти, приплясывал босоногий старик в рванье. Настроение Иллэрима стремительно ползло вверх по шкале до абсолютного блаженства. Цветок уютно грел ребра сквозь ткань, обещая стать отличным экземпляром для гербария. Гном бесился от его поэзии. Рыцарь страдал физически.

Впервые за много лет скука императора отступила. Ночка действительно обещала быть интересной.

1.5

Старая бобровая запруда встретила их запахом мокрой древесины и застоявшейся воды. Ил вывел отряд к ней с восточной стороны, где земляной вал, подмытый весенними паводками, образовал относительно ровную площадку. Относительно — это значит, что здесь можно было сесть, не погрузившись в жижу по пояс, хотя подошвы все равно сразу начали промокать от сырости.

Первым делом походный инстинкт сработал у рыцаря. Бреннан сбросил свою поклажу на единственный сухой бугорок, звякнув сталью, и без лишних слов принялся за работу. Он двигался быстро и экономно: ножом срезал нижние ветви ближайшей плакучей ивы, которые давно высохли прямо на дереве, сбивая их в аккуратную кучу. Ни одного лишнего слова, ни одного взгляда в сторону проводника. Для него поход начался только сейчас, когда появилась возможность развести огонь и занять руки чем-то понятным.

Эльфийка поступила иначе. Она не стала помогать с дровами. Лишь замерла на самой кромке берега, расставив ноги чуть шире плеч, и превратилась в изваяние. Ее голова медленно поворачивалась то вправо, то влево. Глаза светились в темноте двумя ядовито-зелеными фонарями. Она слушала лес. Иллэрим знал, что она слышит: как далеко на юге старый сом трется боком о корягу, как капля смолы стекает по сосне в трехстах метрах отсюда, и главное — отсутствие ритма угрозы. Патрулей поблизости не было. Профессиональная паранойя постепенно отступала, сменяясь настороженным спокойствием.

Гном бухнулся на колени прямо там, где стоял, достал из-за пазухи кусок промасленной ветоши и начал яростно протирать свой абак. Костяшки счетов в его бороде щелкали так зло, словно гном подсчитывал личный ущерб империи от каждого шага по болоту.

— Шесть пар обуви до столицы не доживут, — бормотал он себе в бороду. — Подошва левого сапога потеряла два миллиметра толщины...

И тут произошло маленькое чудо. Гном поднял голову, огляделся, оценил сухую клочковатую траву на гребне плотины и отсутствие комариного облака именно над этим местом. Затем перевел взгляд на танцующую походку Ила, которой тот добирался досюда. Лицо гнома дрогнуло, пытаясь сохранить маску вечного брюзжания.

— Ну... — прокашлялся он, глядя куда-то в район пупка архимага. — В общем... спасибо. Место годное. Если бы ты нас через центр топи повел, мы бы там свои пожитки вместе с костями оставили.

Бреннан фыркнул, не оборачиваясь, продолжая ломать ветки.

— Не поощряй его, Торбин. Сейчас он потребует плату процентом от наших душ.

Гном смущенно крикнул, покраснел еще сильнее и с удвоенной силой затер очередную шестеренку на своем калькуляторе. Но для Ила этот «кряк» прозвучал слаще симфонического оркестра.

Риза де Мортейн стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди. Она единственная даже не пыталась осмотреться или помочь. Она просто смотрела на спину Ила тяжелым, давящим взглядом цвета жженой карамели. Когда их глаза случайно встретились во время поворота девушки, Ил внутренне расцвел. Вся в папеньку, — радостно подумал он. Тот же испепеляющий гнев, та же попытка спрятать страх за высокомерием. Арктур тоже всегда начинал смерти еретиков словом, прежде чем переходить к делу.

Эзра рухнул на землю, подложив под себя свернутый плащ, и теперь бережно ощупывал деку лютни, проверяя, не повело ли дерево от влажности.

— Я отказываюсь писать балладу о том, как блаженный спаситель привел нас в место, которое пахнет мочой и гнилью, — громко объявил бард в пространство. — Муза бастует.

Ил проигнорировал всех.

Он отошел чуть в сторону, туда, где корни старой ольхи торчали из земли, образуя естественное кресло. С видимым наслаждением привалился спиной к шершавому, влажному стволу. Ткань хламиды тут же впитала запах коры и прелых листьев. Архимаг закрыл глаза и глубоко вдохнул, позволяя телу наконец-то сбросить напряжение последних часов. Магический кокон, защищавший его от болотных паразитов, тихо схлопнулся — теперь пусть комары сами решают, кто из отряда вкуснее.

Одной рукой он придерживал котомку, другой — медленно, почти ритуально, расстегнул грубую деревянную пуговицу-клапан. Достал лунный мох.

Цветок лежал на его широкой ладони, слегка увядший после темноты кармана, но живой. Лепестки едва заметно пульсировали, переливаясь из мертвенно-лилового в болезненно-зеленый. Время внутри растения текло медленнее, растянутое магией Ила.

Ил поднес цветок ближе к лицу. Его ярко-голубые глаза засветились мягким светом в полумраке сумерек. Он не смотрел на него — он смотрел сквозь него, внутрь клеточных структур.

Его вторая ладонь зависла в паре дюймов над стеблем. Ил не касался цветка физически. Вместо этого он пустил магию дозированно, тонкой, теплой струйкой золотистого света. Это была высшая форма целительства, доступная единицам на континенте — передача чистой жизненной силы напрямую, без формул и катализаторов.

Магия коснулась корней. Лунный мох вздрогнул. Лиловый оттенок стал глубже, насыщеннее, а затем вспыхнул изумрудным. Процесс смены цвета ускорился ровно до пятнадцати секунд. Цветок жадно пил энергию тирана, расправляя микроскопические ворсинки на стебле.

Ил улыбался. Настоящей, тихой улыбкой человека, который нашел идеального собеседника. Ему не нужен был разговор с Ризой. Ему не нужны были благодарности гнома или ругань барда. Все человеческое общение казалось ему слишком громким, слишком быстрым, полным лжи. А здесь, в этом зеленоватом пульсе на его ладони, была чистая радость жизни. Хаос, который он мог понять.

— Ты только посмотри на себя, — прошептал он цветку, поглаживая воздух над ним кончиком указательного пальца. — Живешь вопреки. Светишь вполсилы. Прячешься от солнца. Мы с тобой определенно родственные души. Будешь моим казначеем? У тебя лицо честнее, чем у Торбина.

Где-то рядом тяжело вздохнул Бреннан, выбивая искры кресалом. Сухостой занялся с веселым треском, бросая на лицо Ила оранжевые отблески.

Глава 2

Огонь, вопреки сырости Гиблых топей, разгорелся на удивление быстро. Бреннан оказался неожиданно умелым костровым: он сложил сухие ветки шалашиком, защитил пламя от ветра собственным телом и теперь склонился над котелком, который подвесил на самодельную треногу из сучьев. Рыцарь кашеварил.

Для Иллэрима это зрелище было сродни тому, как если бы Черный Алмазный Трон вдруг начал исполнять балетные па. Архимаг привык к тому, что люди подобного ранга отдают приказы о меню, пока кто-то другой рискует обжечься. А тут — помятый рыцарь в грязном поддоспешнике сосредоточенно помешивал деревянной ложкой бурлящую жижу, источающую запах разваренной перловки и дешевого сала.

Остальные распределились по периметру. Эльфийка растворилась в тенях западного оврага — Ил слышал, как меняется частота ее сердцебиения, когда она замирала, сканируя чащу. Торбин сидел спиной к стволу ели, баюкая свой абак, словно тот мог сбежать. Эзра пытался сушить струны лютни у самого края жара, тихо подвывая от горя — дерево повело. Риза осталась стоять, прислонившись плечом к той же ольхе, где сидел Ил, но на почтительном расстоянии в три шага. Она смотрела не на огонь, а в темноту за спинами спутников.

Ил к костру не подошел. Тепло огня казалось ему фальшивым, слишком правильным. Он предпочитал холод влажной коры за спиной и пульсирующую жизнь лунного мха во внутреннем кармане. Оттуда шло живое, неравномерное тепло, пахнущее грозой и свободой.

Отряд решил, что проводник уснул или просто ушел в свои безумные дали. Они начали говорить тише, полагая, что шум болота и треск поленьев скроют их слова. Люди всегда переоценивают свою скрытность.

— ...три дня до Сухого Клыка, если темп не упадет, — голос Бреннана был приглушен, ложка мерно стучала о край котелка. — Там ищем лошадей. Еще четыре дня до Каменного Брода. Это последний крупный город Короны перед Равнинным трактом. Если Серые Плащи перекроют мост...

— Мост они перекроют через сутки после того, как мы снимемся с места, — перебила эльфийка, бесшумно возникая из темноты. Ветки под ее ногами не хрустнули. — Патрулирование дорог усилено. Идти по земле — самоубийство. Нас схватят на первой же заставе для проверки подорожных грамот.

— Значит, подземелья? — спросил Эзра, дуя на обожженные пальцы. — Канализация столицы? Говорят, там можно пройти от самых ворот до императорского дворца, если знать схему решеток.

— Схема решеток обновлялась трижды за последние пять лет, — гном впервые оторвался от созерцания огня. Его лицо выражало вселенскую скорбь бухгалтера, обнаружившего недостачу. — Бюджет ассенизаторской службы вырос на четырнадцать процентов. Старые карты бесполезны. Мы заблудимся в дерьме, причем буквально. Я против столь бессмысленной смерти.

Ил слушал молча, полуприкрыв веки. Магия лениво вытекала из его ушей тонкими нитями звука, собирая информацию. Сначала он думал, что это обычный отряд сопротивления — ударить по провинциям, поднять налоги, вызвать голод. Классика. Скучно. Но «столица»?

Его аналитический ум взвыл от восторга и ужаса одновременно. Планеты сошлись. Эти идиоты действительно собираются свергать его. Прямо сейчас. Не зная ни численности гарнизона, ни расположения ловушек в тронном зале, ни расписания дежурств Серых Плащей. Чистое, дистиллированное самоубийство.

Архимаг создал систему, которую невозможно пробить снаружи. Он знал это лучше всех. Их план звучал как детская считалочка перед гильотиной.

Когда Бреннан снова упомянул Равнинный тракт, Ил больше не смог сдерживаться. Ему стало физически больно слушать такую вопиющую логистическую безграмотность.

Он медленно открыл глаза. Ярко-голубые радужки светились в темноте ярче углей костра.

— Через Каменный Брод ходят только те, кому надоело носить голову на плечах, — произнес он в пространство своим обычным голосом, лишенным старческой хрипоты. Голос прозвучал так внезапно, что Эзра подпрыгнул, едва не утопив лютню в похлебке.

Все пятеро синхронно обернулись. Взгляды были одинаково тяжелыми.

— Ты опять начинаешь? — процедил Бреннан, крепче сжимая ложку. — Мы пытаемся спасти ваши жизни, старый дурак.

— Спасение требует рифмы! — радостно возвестил Ил, подаваясь вперед. Теперь свет огня освещал его лицо, делая нарисованную родинку черной кляксой безумия. — Ваш маршрут — сплошная драма, заставы да стража. Какая гамма! «Сухой Клык» звучит хуже плевка в колодец. Предлагаю вам путь через таверну «Пьяный Коммерсант». Хозяин там мой вечный должник; я его векселя и долги превратил в говорящий шпинат, весьма поучительный экспонат. Кстати, о страже: на Равнинном тракте блокпосты стоят каждые две мили. Ваши же рожи примелькались еще в прошлом году, когда вы лишь думали о гибели, а дозорные вас уже сторожили. Информатор сети работает за еду, представляете? Но память у него отменная: он помнит уши эльфийки до локона последнего и походку хромого рыцаря от пятки до самого темени.

— Хватит паясничать! — рявкнул Бреннан. — Речь идет о штурме твердыни Тирана!

— О, штурм! — закатил глаза Ил. — «Твердыня-Тиран», отвратительная аллитерация. Уши вянут. Вы думаете, ворота откроются, потому что вы громко крикнете «За свободу»? Ворота Империи открываются либо ключом из костей предыдущего коменданта, либо взрывчаткой весом в полтонны. У вас есть полтонны взрывчатки, гном?

Торбин побагровел так, что его борода стала казаться рыжей.

— У нас есть точные расчеты давления на петли! — пропищал гном. — И формула распределения веса тарана!

— Формула тарана без учета влажности древесины дает погрешность в сорок процентов! — парировал Ил. — Ваше дерево рассохнется и лопнет прямо на глазах у капитана Плащей. Будет очень неловко.

Внезапно смех оборвался. Ил перестал раскачиваться и сидеть на корточках. Он выпрямился, опираясь рукой о ствол ольхи. Движения стали резче, хищническими. Маска блаженного дала трещину, обнажая лед под ней.

Риза оттолкнулась от дерева. Она сделала шаг вперед, выходя из тени прямо в круг света. Ее карамельные глаза смотрели не со злостью, а с каким-то тяжелым, оценивающим вниманием. Она обвела взглядом замерший отряд, потом перевела внимание на лицо Ила. Никто не смел дышать.

— Довольно, — ровно сказала она. Голос прорезал перепалку, как нож масло. — Бреннан, заткнись. Найри, проверь восточный склон. Торбин, следи за похлебкой, она горит. Эзра, перестань плакать над деревяшкой.

Приказы выполнились сами собой. Рыцарь захлопнул рот. Эльфийка кивнула и исчезла в темноте. Гном бросился спасать котелок. Только бард продолжал сидеть с открытым ртом.

Риза подошла ближе к Илу. Теперь между ними было меньше шага. Она чуть наклонила голову, глядя на цветок, контур которого едва заметно проступал сквозь ткань его кармана, и снова подняла взгляд на его глаза.

— Ты слышишь лес, — это не было вопросом. — Ты чувствуешь вибрацию земли. Ты знаешь плотность тумана. И ты только что просчитал логистику всей западной границы быстрее, чем Торбин успел щелкнуть счетами. Перестань вести себя как ярмарочный шут. Мне плевать, сумасшедший ты, святой или дух этого болота.

Она сделала крошечную паузу. Ил смотрел на нее и впервые за двенадцать лет выражение абсолютного, детского недоумения застыло на лице Императора.

— Ты сказал, что наш путь — смерть, — продолжила Риза, и в ее тоне не было ни капли издевки, только уставшая деловитость командира. — Что предлагаешь ты? Как нам попасть в столицу?

2.1

Слова ударили по барабанным перепонкам Ила сильнее, чем взрыв маны в закрытом помещении.

Снаружи он замер, превратившись в нелепую статую бродяги с открытым ртом. Лицевые мышцы расслабились до состояния полного идиотизма, нарисованная углем улыбка казалась теперь просто дефектом кожи. Но внутри черепной коробки произошел микровзрыв сверхновой.

Синапсы защелкали со скоростью света. Карта Империи развернулась перед внутренним взором — не плоская бумага с городами, а трехмерная модель потоков магии, плотности населения и маршрутов патрулей.

Столица.

Они хотят зайти через парадный вход? Безумцы. Южный тракт перекрыт тремя кольцами кордонов. Восточный канал контролируется водяными элементами Короны. Западные катакомбы... Западные.

Мертвые Земли. Старый Город. Место, где двенадцать лет назад Великая Чистка закончилась массовым жертвоприношением магов-ренегатов. Земля там до сих пор фонит так, что птицы падают замертво на подлете. Серые Плащи обходят руины десятой дорогой — слишком много аномалий для их приборов, да и дурная слава пугает новобранцев. Идеальная слепая зона. Ил представил себе маршрут: из Гиблых топей через Выжженный Урочищ к Спящим Холмам, затем резкий нырок под землю через систему древних акведуков прямо в дренажную сеть Императорского холма. Выход — в винных погребах дворца. Его личных погребов.

Губы Тирана сами собой начали растягиваться. Сначала медленно, преодолевая сопротивление нарисованной маски, затем все быстрее. Уголь смазлся окончательно, обнажая настоящую линию рта. Ил улыбнулся Ризе прямо в лицо — широко, открыто, абсолютно детской, обезоруживающей улыбкой. В ней было столько чистого, незамутненного счастья от удачно решенной задачи, что это выглядело жутко.

Риза моргнула. Ее челюсть чуть заметно напряглась, желваки заходили ходуном. Она едва слышно скрипнула зубами от злости. Этот блаженный только что высмеивал их план смерти, а теперь скалится так, будто она предложила ему конфету.

— Он пускает слюни от восторга при слове «столица», — раздался из темноты сухой, как осенний лист, голос Найри. Эльфийка даже не вышла на свет, но ее презрение ощущалось физически. — Девочка, ты уверена, что мы свергаем нужного тирана? Кажется, наш дедушка сам давно нуждается в свержении разума. Считать, что этот гриб сможет предложить план лучше нашего...

Ил счастливо выдохнул. Звук был похож на шипение спускающегося воздушного шарика.

— План! — воскликнул он, всплеснув руками так радостно, что лунный мох во внутреннем кармане испуганно мигнул лиловым. — О, у меня есть план получше вашей скучной болтовни!

Он шагнул ближе к костру, театрально раскинув руки. Бреннан инстинктивно перехватил ложку за самый конец, превращая ее в дубинку.

— Мы не пойдем там, где ходят люди! — пропел Ил, пританцовывая на месте. Магия вокруг него начала искриться мелкими фиолетовыми разрядами, реагируя на возбуждение

хозяина. — Там заставы, посты и зануды! Где земля превратилась в золу, я вас сквозь пустоши проведу!

Бреннан издал низкий горловой рык:

— Совать голову в Мертвые Земли? Это верная гибель. Там нет воды, нет еды, а радиационный фон сжигает легкие за сутки. Даже контрабандисты боятся тех мест.

— Да! — радостно подпрыгнул Ил, хлопая в ладоши. — Так и есть! Верная смерть без сомнения! Но теперь-то вы взяли меня! Лучший маг современности, гений поэтической деконструкции проведет вас сквозь мертвые пустоши! Прямо в шелковую спальню самого тирана! Через его личный сортир, если пожелаете, там отличная вентиляция!

Найри в тени расхохоталась. Это был короткий, лающий звук, полный искреннего веселья убийцы, наблюдающей за цирком уродов.

— Сквозь сортир! — повторила она, давясь смехом. — Я хочу видеть лицо капитана Серых Плащей, когда он найдет на своем рабочем столе доклад о прорыве канализации в тронный зал. Риза, он точно псих.

Отряд загудел. Торбин начал бормотать расчеты провианта на переход через пустыню, Эзра схватился за голову, утверждая, что эпос пишется кровью, а не дерьмом, а Бреннан просто смотрел на Ила взглядом человека, всерьез обдумывающего эвтаназию всей группы. Никто не воспринимал слова блаженного всерьез. Для них он оставался опасным, непредсказуемым, но все же юродивым.

Риза лишь тяжело вздохнула и устало отмахнулась рукой, словно прогоняя назойливую муху.

— Хватит. Просто... хватит, дед. У тебя лихорадка от болотной воды. Если хочешь умереть в кислотной ванне Мертвых Земель — иди вперед, мы тебя держать не будем.

Но Ил перестал прыгать. Он резко сбавил тон. Смех исчез из глаз, сменившись острым, пронзительным льдом. Он сделал плавный, скользящий шаг к Ризе, вторгаясь в ее личное пространство так бесцеремонно, что Бреннан дернулся вперед, но замер, увидев выражение лица их проводника.

Ил наклонился к самому уху девушки. От него пахло грозой, мокрой псиной и почему-то свежей типографской краской. Заговорщический шепот прозвучал громче крика:

— Ты боишься призраков, крошка де Мортейн? Не бойся старых костей. Бояться стоит открытых дверей. Есть тропинка сквозь Старый Город, где фундаменты жрут саму вечность. Там фонари поедают беспечность. Стены плачут стеклянной трухой, но зато там прохлада и... покой. Ни один министерский ублюдок не поставил там турникет. Только призраки гниют. И те, кого уже почти нет.

Последние слова он произнес с нажимом, глядя ей прямо в зрачки.

Улыбка сползла с лица Ризы мгновенно. Карамельные глаза расширились. Вся кровь отлила от ее щек, делая шрам на брови еще белее. Она знала эти стихи. Не эти конкретные слова, но эту манеру говорить о смерти — легкую, певучую, выворачивающую душу наизнанку. Именно так отец рассказывал ей сказки на ночь, пытаясь объяснить природу магии Лэрима.

Так никогда не говорят банальностей. Когда безумец упоминает «тех, кого почти нет», имея в виду поход через зону массового магического распада, это перестает быть бредом. Это становится техническим заданием.

Она сделала крошечный, судорожный вдох. Отшатнулась от Ила, врезавшись спиной в ствол ольхи. Теперь она смотрела на него не как на шута. Как на хищника, который только что показал зубы.

— Он знает путь, — тихо сказала Риза в наступившей тишине. Голос ее дрогнул. — Он действительно знает дорогу мимо постов.

Эзра нервно сглотнул:

— Дорога через кладбище, где живут духи имперских палачей? Ребят, может, все-таки попробуем канализацию?

Торбин достал свой абак и начал быстро-быстро переставлять костяшки, шевеля губами.

— Вероятность гибели девяносто четыре процента... Нет, девяносто шесть, ветер восточный... Но экономия на взятках стражникам составит около восьмидесяти золотых! Эффективность растет вместе с риском! Я должен просчитать угол падения солнечных лучей на барометр...

Бреннан переводил взгляд с побледневшей Ризы на приплясывающего Ила. Рыцарская честь боролась в нем с инстинктом самосохранения и проигрывала.

— Если это ловушка... — начал он хрипло.

— Если это ловушка, то самая красивая из всех, что я видела, — перебила его Найри, наконец выходя из тени полностью. Она подошла к огню, присела на корточки и протянула ладони к пламени, грея тонкие пальцы. — А девочка права. Дедуля говорит складно. Слишком складно для того, кто ест лягушек.

Она подняла свои ядовито-зеленые глаза на Ила. Взгляд стал холодным, оценивающим, профессиональным.

— Докажи, — бросила эльфийка. — Перестань петь про сортиры. Покажи нам, что ты стоишь нашей смерти.

2.2

Ил запрокинул голову и расхохотался. Это был не тихий смешок безумца, а громкий, залихватский хохот человека, которому только что подарили самую интересную игрушку в мире. Звук отразился от низких крон деревьев, заставив ночную птицу испуганно сорваться с ветки.

— Доказать! — выдохнул он сквозь смех, вытирая выступившие на глазах слезы тыльной стороной ладони. — Ах, Найри, ты прелесть! Ты пытаешься измерить хаос линейкой. Какая восхитительная... глупость!

Он выпрямился во весь свой немалый рост. Платиновые волосы вспыхнули в свете костра серебряным пламенем. Ил поднял обе руки к небу, растопырив пальцы. На секунду его лицо стало серьезным, почти молитвенным, но уголки губ все еще подрагивали от сдерживаемого веселья.

Воздух вокруг его ладоней замер. Температура упала на несколько градусов мгновенно — магия такого порядка требовала энергии из окружающей среды. Затем пространство над его руками пошло рябью, искажаясь, как воздух над раскаленным камнем. Из пустоты начали проступать контуры — сначала тонкие, светящиеся синим прожилки вен, затем бархатные, переливчатые крылья.

Ил дунул. Легко, почти нежно, словно сдувая пыльцу.

С десятка огромных махаонов размером с ладонь сорвались с его пальцев. Их крылья были сотканы не из хитина, а из чистого лунного света и застывшего электричества. Они не взмахивали крыльями — они просто плыли по воздуху, оставляя за собой медленно гаснущие следы. Поток воздуха подхватил их и понес прямо на эльфийку.

Найри зашипела. Громко, по-змеиному. Она вскинула руку, выставляя вперед клинок, ее тело приняло низкую стойку готовности. Бабочки облепили лезвие кинжала, рукоять и плечи ассасинки. Оружие тут же покрылось тонкой коркой инея — температура насекомых была близка к абсолютному нулю.

— Сними это, — процедила она, стараясь не делать резких движений, чтобы чешуйки крыльев не осыпались. От нее пахло горьким миндалем вдвое сильнее обычного.

Гном у костра громко, басовито расхохотался, хлопнув себя по коленям. Абак брякнул о землю.

— Ой, посмотрите на убийцу! — пробулькал Торбин сквозь смех. — Ее сейчас красота до смерти доведет! Осторожнее, Найри, говорят, если такая сядет на язык — начнешь писать сонеты вместо того, чтобы яды мешать!

Эзра восторженно ахнул, забыв про свою раненую лютню:

— Невероятно! Чистая работа со светом четвертого порядка! Я должен записать спектр этого свечения...

Риза устало прикрыла глаза рукой, словно у нее внезапно разыгралась мигрень. Когда она опустила ладонь, все эмоции исчезли с ее лица, сменившись маской жесткого лидера, привыкшего разгрести чужое дерьмо.

— Хватит, — отрезала она. Голос прозвучал как удар хлыста. — Все замолчали. Ил, прекрати играть с магией, у меня от твоих бабочек пропадает аппетит.

Бабочки, услышав приказ хозяйки положения (или просто подчиняясь воле Ила, который больше не питал их вниманием), плавно осыпались на землю серебристым пеплом. Найри с видимым облегчением тряхнула плечами, сбрасывая остатки холода.

— Мы сидим посреди Гиблых топей, — продолжила Риза, обводя тяжелым взглядом каждого. Рыцарь тут же подобрался, гном перестал смеяться. — Вокруг туман, который жрет людей заживо. До тех пор, пока мы не выйдем на твердый грунт, обсуждать дальнейшие планы не имеет смысла.

Она обвела лагерь взглядом капитана, принимающего доклады.

— Всем спать. Подъем с рассветом. Бреннан — первая стража. Найри — вторая. Эзра, раз уж ты просидел весь день на своей заднице — твоя очередь дежурить перед рассветом.

Ил удовлетворенно кивнул, будто получил высший балл за контрольную. Он отошел от огня обратно к своему дереву. Опустился на землю без единого звука — ни одна веточка не хрустнула. Вместо того чтобы сесть или свернуться клубком, он лег прямо на сырую, холодную землю, подложив руки под затылок.

Его взгляд устремился вверх, сквозь прорехи в листве, к черному, тяжелому небу. Ни единой звезды. Только свинцовая мгла. Но Ил смотрел на нее так, будто там разворачивалось величайшее шоу в истории. Широкая, абсолютно искренняя улыбка блаженного озарила его лицо. Он выглядел абсолютно, непристойно счастливым.

Отряд наблюдал за ним в гробовом молчании. Первым не выдержал Бреннан. Укладывая свой меч поперек колен, он процедил в сторону лежащего старика:

— Сумасшедший. Завтра простынешь и начнешь кашлять, выдашь нас всем слизням в радиусе мили.

Эзра бурчал, заворачиваясь в тонкий плащ:

— Надеюсь, ночью пойдет кислотный дождь.

Даже Риза, укладываясь чуть поодаль, спиной к огню, тихо прошептала так, чтобы слышал только шелест листьев:

— Если ты завтра превратишься в сопливую развалину, я лично утоплю тебя в той луже, где нашла. Не смей задерживать переход.

Но Ил лишь продолжал смотреть в небо, игнорируя шипение змей. Его дыхание было глубоким и ровным. Магия лениво сочилась из его тела в почву — невидимый теплый полог накрыл спящую группу, отпугивая болотных хищников и согревая камни под их спальниками.

Где-то рядом возмущенно квакнула лягушка, которой приснился плохой сон. Спустя минуту тишины, прерываемой лишь треском дров и чавканьем ворочающегося во сне Торбина, весь отряд забылся тяжелым сном.

Только Ил бодрствовал. Он не спал. Он слушал, как дышит Империя, которая даже не подозревала, что ее Император уже нашел идеальный маршрут для собственного убийства.

2.3

Ночь в Гиблых топях текла медленно, как смола. Тяжелый туман опустился еще ниже, обнимая спящий лагерь влажными, холодными шупальцами. Он оседал на лицах росой, заставлял металл покрываться рыжим налетом ржавчины за считанные минуты и глушил любые звуки дальше десяти шагов.

Через час после того, как отряд забылся тревожным сном, заворочался Бреннан. Его тело, привыкшее к мягким перинам дворянской усадьбы или хотя бы сухому сено, протестовало против ледяной земли. Рыцарь сел, тяжело опираясь на колени, размял затекшую шею до хруста суставов. Угли костра едва тлели, бросая на его лицо болезненные тени.

Бреннан молча поднялся, хрустнув коленями. Подошел к заранее заготовленной куче дров — он единственный слушал Ризу беспрекословно — и аккуратно подкинул пару поленьев поверх углей. Огонь благодарно лизнул дерево, прогоняя тьму чуть дальше. Рыцарь поднял взгляд. Ил лежал там же, где упал. В той же позе. На сырой земле. Платиновые волосы тускло мерцали в свете пламени. Он не спал. Только смотрел в черное небо абсолютно ясным, незамутненным взглядом человека, который только что выпил десять чашек крепкого кофе. Их глаза встретились на секунду. Бреннан ждал насмешки, очередного стишка про рыцаря, которому жестко спать. Но Ил просто моргнул — медленно, по-совиному — и снова уставился вверх. Рыцарю стало не по себе от этой бодрости посреди гиблой ночи. Он ничего не сказал, лишь плотнее запахнул плащ и лег обратно, отвернувшись от назойливого света огня.

Еще через два часа, когда восток только начал сереть, а туман стал похож на парное молоко, Бреннан растолкал Найриэль. Эльфийка проснулась мгновенно, без переходов. Пока Бреннан сворачивал свой тощий походный тюфяк, Найри скользнула на его место, принимая сектор наблюдения. Ее профессиональный взгляд прошелся по периметру... и зацепился за неподвижную фигуру Ила. Прошло пять часов. Небо сменило цвет с черного на глубокий индиго. А старик все так же лежал на голой земле, подложив руки под голову, и пялился в пустоту. Ни дрожи, ни попытки согреться. Даже комары, густым облаком висящие над эльфийкой, облетали блаженного стороной. Найри прищурилась. Любой нормальный человек давно бы заработал воспаление легких или был бы сожран местной фауной. Она встретила взглядом с Илом. Тот медленно повернул голову, посмотрел на нее своими яркими, нечеловечески чистыми глазами и беззвучно улыбнулся. Найриэль демонстративно сплюнула в сторону и отвернулась, делая вид, что изучает узоры лишайника на дереве. Но ощущение чужеродности этого существа прочно засело под кожей.

Когда сумерки окончательно отступили, уступая место свинцовому, тяжелому рассвету, настала очередь Эзры. Эльфийка тронула барда за плечо кончиками пальцев. Юноша вскрикнул, запутавшись в собственных ногах и лютне.

— Моя очередь? — прохрипел он, продирая глаза. — Боги, мои почки объявили суверенитет...

— Считай это платой за искусство, — отрезала Найри, проходя мимо него к своему месту у костра. — Если выживешь, напишешь трагическую оду.

Эзра остался один. Он зябко ежился, глядя на свои посиневшие пальцы. Весь его вид кричал о невысказанном любопытстве. За ночь он просыпался трижды и видел что старика всегда были открыты. Любопытство жгло Эзру изнутри, но страх перед сумасшедшим парализовал язык. Он боялся, что если задаст вопрос, Ил ответит ему очередным ломающим слух стишком.

Наконец, под утро, юноша достал из своих лоскутов мешочек с сушеными корнями сомнительного происхождения. Достал помятую металлическую кружку, плеснул туда воды из бурдюка и поставил прямо на тлеющие угли, рискуя расплавить дно. Затем высыпал содержи-

мое мешочка. Вареву тут же начало пузыриться, издавая резкий запах жженных тряпок, мяты и чего-то химического.

Именно в этот момент Ил резко сел.

Движение было лишено плавности. Только что он был расслабленной лужей — и вот он натянутая струна. Голова повернулась на звук кипения жидкости с такой скоростью, что раздался тихий щелчок шейных позвонков. Магия вспыхнула вокруг него коротким импульсом, заставив утреннюю дымку испуганно шарахнуться в стороны.

Ил вперился взглядом в кружку Эзры. Он подался вперед всем телом, упираясь ладонями в землю. Его голова склонилась набок под неестественным углом, словно у совы, заметившей мышь. Это было не простое любопытство. Это была аналитическая агрессия ученого, увидевшего нарушение законов термодинамики. Он изучал процесс варки похлебки так, будто бард собирал ядерный реактор.

Эзра почувствовал, как по спине течет холодный пот. Взгляд Ила физически давил. Каждое помешивание ложкой казалось юноше экзаменом, который он проваливает.

— Что это? — голос Ила прозвучал тихо, почти шепотом, но в звенящей утренней тишине он ударил по ушам громче удара колокола.

Юноша дернулся, расплескав кипящее вареву себе на руку. Взыв тоненько, как побитая собака, он выронил ложку.

— М-мой чай! — заикаясь, выпалил Эзра, прижимая обожженную кисть к животу. — Концентрированный стимулятор! Ну, я надеюсь... Академия отчислила меня с кафедры алхимии после инцидента с говорящим унитазом ректора, но базовые принципы мне знакомы! Там немного толченого корня мандрагоры для выносливости, споры светящегося мха для остроты зрения, щепотка соли, чтобы сбалансировать электролиты, и секретный ингредиент!

Ил наклонился еще ближе, заглядывая прямо в булькающую кружку. От его дыхания поверхность жидкости пошла рябью.

— Ты кипятишь бурду, — благоговейно произнес архимаг. — Светящийся мох дает альфа-излучение при нагревании выше сорока градусов, оно разрушит ферменты мандрагоры. А соль диссоциирует на натрий и хлор, создавая ионную решетку, которая блокирует всасывание углеводов через стенки желудка. Ты понимаешь, что твоя ложка сейчас нарушает законы мироздания?

2.4

Эзра вжал голову в плечи так, что она почти исчезла между костлявыми лопатками. Он смотрел на Ила снизу вверх глазами затравленного кролика перед удавом, который почему-то интересуется его школьным табелем.

— Я... я просто хотел согреться! — выпалил бард, баюкая обожженную руку. — Ну и чтобы голова работала! Понимаете, когда рифма не идет, а вокруг только грязь и недовольство, мозгу нужен дофаминовый всплеск! Корень мандрагоры стимулирует синаптическую передачу, это же базовая нейробиология! А мох... ну, он красиво светится, это вдохновляет!

Ил подался еще ближе. Его ярко-голубые глаза впились в лицо юноши, сканируя капилляры на белках глаз.

— Как часто ты употребляешь эту алхимическую рвоту? — спросил Ил тоном заботливого дядюшки. — Раз в неделю? Перед каждой песней? Помогает ли от запоров? Судя по цвету твоего лица, перистальтика кишечника сейчас испытывает колоссальный стресс. Ощущения? Опиши мне субъективные галлюцинации. Ты видишь геометрические фигуры или тебе просто хочется плакать о несовершенстве мира?

— Ил, — голос Ризы прозвучал как удар хлыста.

Все вздрогнули. Девушка уже сидела, завернувшись в плащ, словно в кокон. Она выглядела злой, собранной и смертельно уставшей. Синяки под ее глазами были темнее болотной жижи.

— Оставь мальчишку в покое, — приказала она, поднимаясь на ноги одним плавным движением. — Если он хочет сжечь свои внутренности ради высокой поэзии — это его право на социальную премию.

Она подошла ближе, нависая над Илом. Несмотря на то что архимаг был выше ее на полголовы, сейчас именно Риза казалась воплощением угрозы.

— А тебя я хочу спросить кое о чем другом, — ее взгляд уперся в переносицу Ила, туда, где угольная точка ночью размазалась. — Откуда ты все это знаешь? Ферменты, ионная решетка. Это имена демонов Нижних миров? Или ты тайный библиотекарь Академии? Что за спектакль ты нам ломаешь, дед? Сначала частушки про сортиры, потом лекция по квантовой физике. Определись уже.

Ил медленно моргнул. Магическая искристость вокруг него погасла, сменившись привычным ореолом безумия. Он выпрямился, театрально прижав ладонь к груди.

— Ах, леди де Мортейн! — воскликнул он, делая шаг назад. — Знание — оно как плесень. Растет везде, где сыро и темно. Просто нужно уметь смотреть сквозь стены. В книгах пишут скучное: кто кого убил и сколько налогов заплатил. А магия... она дышит. Я слышу, как спорят молекулы воды в этом котелке. Они говорят, что Эзра дурак, но очень старательный.

Он развернулся и, насвистывая ту самую хромую мелодию про гнома, побрел обратно к своей ольхе. Улегся на землю, демонстративно закинув ногу на ногу, и уставился в небо, давая понять, что допрос окончен.

Эзра проводил его полным ужаса взглядом. Затем посмотрел на свою кружку. Вареву слегка пульсировало изнутри слабым зеленоватым светом. Теория столкнулась с практикой. С одной стороны — похмелье, холод и выговор. С другой — потенциальный разрыв пространственно-временного континуума. Бард тяжело вздохнул, пробормотал короткую молитву всем забытым богам искусств и сделал большой, жадный глоток.

Горячая, едкая жидкость обожгла пищевод. На вкус это было как смесь жженного сахара, полыни и слез единорога. Эзра замычал от удовольствия извращения, чувствуя, как тепло разливается по желудку...

Он поднял глаза, чтобы похвастаться выдержкой и встретился взглядом с Илом.

Архимаг сидел под деревом. Он уже не смотрел на небо. Он пристально, не мигая, буравил взглядом кадык барда, наблюдая, как тот проглатывает «секретный ингредиент». В глазах Ила читался чистый, незамутненный научный интерес патологоанатома.

Эзра сглотнул. Комок варева пошел не тем путем. Юноша издал булькающий звук, схватился за горло, выронил кружку и рухнул на колени, заходясь в приступе удушающего кашля. Желудок попытался вернуть завтрак прошлого вечера вместе с будущим обедом.

Бреннан, которому удалось-таки задремать под этот монолог, подскочил на месте, хватаясь за меч. Поняв, что штурма нет, он метнулся к барду, несколько раз крепко врезал ему ладонью между лопаток:

— Дыши, идиот! Кого ты слушаешь?! Пей воду!

Найри, вместо того чтобы помочь, запрокинула голову и расхохоталась. Громко, искренне, сбрасывая напряжение ночи. Ее смех звучал в тумане как звон разбивающегося стекла.

— Он пытался впечатлить безумца своим рецептом чая! — выдавила она сквозь слезы. — Святой Создатель, если мы выживем, я поставлю золотую статую этому старику. Он единственный здесь получает удовольствие от жизни.

Один лишь Торбин оставался островком абсолютного равнодушия посреди этой утренней драмы. Гном лежал на животе, накрыв голову полой своего плаща. Из-под ткани доноси-

лось приглушенное, ритмичное сопение и иногда тихий скрип ворочающихся во сне шестеренок абака. Рассвет мог наступать хоть трижды, мир мог рухнуть, но гном не открывал глаз.

Риза дождалась, пока Бреннан поможет прокашлявшемуся, позеленевшему Эзре сесть, и кивнула в сторону лагеря:

— Подъем. Торбина пнем через десять минут. Собрать вещи. Костер залить. Ил!

Тиран, который все это время с улыбкой наблюдал за конвульсиями барда, лениво повернул голову.

— Да, моя маленькая грозовая тучка?

— Маршрут, — отрезала Риза. — Ты обещал тропинку для призраков. Мы выдвигаемся через пятнадцать минут. Куда идти?

2.5

Ил медленно, с наслаждением хрустнув каждым позвонком. Потянулся так сладко, что у наблюдающего за ним Бреннана свело челюсть от зевоты. Архимаг встал, отряхнул штаны от налипших листьев — хотя грязи на них было столько, что это походило на попытку очистить болото полотенцем — и подошел к кострищу. Он обвел взглядом отряд: кашляющего Эзру, хмурую Ризу, скалящуюся Найри и спящего мертвым сном Торбина.

— Маршрут! — воскликнул Ил, театрально воздев палец к свинцовому небу. — О, моя маленькая грозовая тучка, ты хочешь знать путь сквозь смерть? Это не просто тропинка. Это... поэма пути!

Он начал ходить кругами вокруг остывающего котелка, размахивая руками. Его речь полилась потоком сознания, в котором логика захлебывалась на каждом повороте:

— Значит, так! Мы не идем туда, где пахнет сапогами стражи. Сапоги пахнут страхом и дегтем, а деготь липкий, я проверял. Мы пойдем через Урочище Спящих Камней. Там деревья растут корнями вверх, потому что небо им надоело. Очень невежливые деревья, кстати, постоянно сплетничают о тех, кто под ними ходит. Нужно будет поздороваться с самым старым дубом, иначе он уронит нам на голову белку. Белки там зубастые, размером с собаку. Хорошие зверьки, но кусаются концептуально...

Риза прищурилась. Она сделала шаг вперед, уперев руки в бока.

— Ил. Конкретика. Где именно мы поворачиваем после топей? Сколько лиг до этого твоего урочища?

Ил замер на полушаге. Посмотрел на нее с искренним удивлением, словно она спросила его о курсе акций на бирже посреди оперы.

— Лиги? Милая, измерять боль в лигах — это все равно что считать слезы в литрах! Но раз ты просишь... После того как туман начнет есть ваши брови — это ориентир номер один, запоминайте, Эзра, запиши! — нужно взять левее вон той кривой ели. У нее ветка растет из зада, очень характерная примета. Там будет овраг. В овраге живет семейство троллей. Они вегетарианцы, выращивают плесень. Плесень поет по ночам, если наступить — обидится. Обходим справа, там камни скользкие, но зато тролли нас не заметят, они ненавидят звук скольжения...

Взгляд Ризы потух. Усталость последних дней, помноженная на тревожную ночь и абсурд происходящего, придавила ее к земле. Уголки губ девушки дрогнули, но она сдержалась. Она больше не требовала конкретики. Она просто слушала этот бред, прикрыв глаза и слегка наклонив голову, ожидая, когда река безумия наконец найдет свое русло. Для нее это стало чем-то вроде утреннего шума дождя — неизбежным фоновым раздражителем.

— ...а потом мы прыгаем! — радостно закончил Ил, резко остановившись. — Не сильно. Всего метра три вниз. Прямо в расщелину между корней Великого Стеклоанного Дуба. Корни там прозрачные, внутри течет смола времени. Если лизнуть — можно увидеть свой первый

поцелуй или свою смерть. Я бы не рекомендовал, смола щиплет язык. И вот оттуда, из-под корней, начинается та самая тропинка для призраков. Старый Город их не любит живых, поэтому дышать придется через раз, желательно тем воздухом, который вы выдохнули еще вчера...

Ил замолчал. Оглядел замороженно-ужасающиеся лица отряда. Затем его лицо приняло выражение величайшей серьезности. Он перестал прыгать. Магия вокруг него на мгновение собралась в тугую, холодную нить. Он вытянул руку вперед, указывая пальцем точно на запад, в ту часть чащи, где туман был настолько густым, что казался твердой стеной.

— Нам туда, — произнес он своим обычным, глубоким голосом Тирана, лишенным всякой шутливости. — Между двумя гнилыми березами, которые держатся друг за друга, чтобы не упасть в ад. Третья кочка слева обманывает зрение. Шагнете на нее — будете неделю висеть вверх ногами в петле времени. Идите за мной след в след. И ради всего святого, не трогайте красные цветы. Они едят магию, а у меня ее много, я буду ревновать.

Наступила тишина. Было слышно только, как далеко ухает выпь и как во сне недовольно скрипит зубами гном.

Ил опустил руку, удовлетворенно кивнул самому себе и направился к своей котомке, начав рыться в ней в поисках ржавого гвоздя.

Риза несколько секунд смотрела ему в спину. Затем медленно, очень медленно обернулась.

Ее взгляд прошелся по лицам спутников. Бреннан стоял с открытым ртом, пытаясь сопоставить «вегетарианских троллей» и «петлю времени». Эзра прижимал к груди лютню, глядя на Ила со смесью религиозного экстаза и паники — кажется, бард уже видел заголовок своего будущего эпоса: «Баллада о Великом Стеклянном Дубе и Деде-в-Тапках». Найриэль откровенно давилась смехом, уткнувшись лицом в ладони, ее плечи тряслись беззвучно.

Риза встретила глазами с каждым из них. Ее взгляд был красноречивее любых слов. В нем читалось всё: осознание полной катастрофы, усталость конца времен и немой, полный вселенской скорби вопрос:

«Я единственная вижу, что наш единственный шанс на выживание это сумасшедший, разговаривающий с деревьями, или вы тоже начинаете сходить с ума?»

Глава 3

Первый день их совместного пути начался с того, что Ил шагнул в стену тумана и исчез.

Риза выругалась сквозь зубы — коротко, зло, по-солдатски — и двинулась следом за ним, не дожидаясь команды. Она ступала легко, почти невесомо, переноса вес на носок сапога прежде, чем пятка коснется земли. Ее взгляд был прикован к спине проводника. Риза пыталась понять его логику. Вот он обходит сухую, безобидную на вид кочку слева. Через три шага делает резкий крюк вправо, чтобы миновать вполне крепкую на вид березу. Логике не было. Это напоминало танец пьяного паука.

Сам Ил выглядел абсолютно счастливым. Туман оседал влагой на его платиновых волосах, превращая их в тусклое серебро. Он шел чуть пританцовывая, периодически подпрыгивая, чтобы сорвать свисающую прямо над тропой паутинку толщиной с канат.

— Хороший сегодня туман! — вещал он, обернувшись через плечо с широкой улыбкой. — Плотный. Сытный. В таком тумане можно спрятать целую армию или один очень стыдный секрет. У вас есть секреты? Я умею хранить тайны так же хорошо, как храню ржавые гвозди!

Сразу за ним шла Риза. Она двигалась сдержанно, механически, но ее глаза метались от ног Ила к земле перед собой. Она копировала его маршрут с точностью зеркала, наступая ровно в те прогалы между гнилью, которые выбирал он. Девушка пыталась найти систему: глубину воды? Запах? Тип мха? Но система ускользала. Ил просто знал. Или чувствовал. Или слышал шепот корней.

Сзади слышался непрерывный дуэт проклятий и тяжелого сопения. Бреннан и Торбин представляли собой идеальную комедию отчаяния. Рыцарь пытался держать марку высоко поднятой головы, но полы его плаща уже тяжелели от влаги, а кольчуга пахла болотом и тиной. Гном же превратился в комок грязи.

Ил вел их мимо глубокой промоины. Торбин поскользнулся на невидимой под водой коряге. Его ноги взлетели вверх, абак вырвался из рук и булькнул где-то внизу, а сам гном с громким «Ква-а!» рухнул спиной в жижу.

Бреннан бросился было поднимать инженера, ухнув от натуги, когда попытался приподнять стальную броню вместе с намокшим телом.

— Да чтоб тебя демоны взяли, коротышка! — рычал рыцарь, чувствуя, как вода заливается ему в рукава. — Хватит падать!

Ил даже не остановился. На пятом падении гнома (которое случилось всего двадцать минут спустя) Тирану надоело развлекаться. Ему стало скучно. Теперь это была чистая симфония хаоса. Архимаг начал строить догадки. Когда Торбин балансировал на одной ноге, пытаясь вытащить вторую из засосавшей его ямы, Ил щелкнул пальцами. Подметка сапога гнома внезапно уперлась в твердый камень, которого там секунду назад не было. Торбин выпрямился, фыркая и отплевываясь, и побрел дальше, бормоча о нарушении законов гравитации и стойкости очистки бороды.

Найриэль скользила сбоку от основной группы, метрах в десяти левее. Для нее топи были открытой книгой. Эльфийская кровь позволяла ей чувствовать плотность почвы и дыхание подземных вод. Она выбирала свой маршрут — более сложный, цепляющийся за редкие островки твердой земли, но предсказуемый. Найри постоянно держала Ила в поле зрения, и ее ядовито-зеленые глаза сузились до щелок.

— Если ты такой всезнающий дух леса, почему бы тебе не проложить нам дорогу магией целиком? — ворчливо бросила она, перепрыгивая с корня на корень. — Сделай нам мост из лунного света. Или хотя бы высуши штаны нашему сейфу на ножках.

Ил радостно всплеснул руками, едва не угодив лицом в липкие нити гигантского цветка-мухолова. Тот клался челюстями в дюйме от его носа.

— О, дорогуша! Магия для ходьбы — это все равно что использовать баллисту, чтобы почесать спину! Неэффективно! К тому же, если я высушу воздух вокруг нас, местные споры решат, что началась зима, и устроят революцию. Ты хочешь объяснять грибам основы демократии?

Эзра вздыхал каждые сорок секунд. Его бархатные лоскуты промокли насквозь и теперь весили больше, чем вся амуниция рыцаря. Юноша шел осторожно, глядя исключительно под ноги. Он старался ступать строго в следы Ризы, надеясь, что дочь мятежного герцога знает какой-то тайный способ не утонуть. Робко подняв голову, он заметил то, чего опасался: стволы деревьев становились толще и чернее, а просветов впереди становилось все меньше.

— Капитан... — пискнул он, стараясь перекрыть чавканье грязи. — Почему туман... ну... он становится плотнее? Мне кажется, мы идем в самую густую часть чащи. Там ничего не видно уже через два шага.

Ил услышал. Он резко развернулся на каблуках, сияя так ярко, будто Эзра только что похвалил его стихи.

— Именно так! — воскликнул он ликующе. — Прямиком в сердце тьмы! В самый густой кисель! Там вкуснее всего!

За спиной раздалось синхронное возмущенное шипение. Бреннан сплюнул болотную воду:

— Мы лезем глубже?! Нас сожрут!

Но Ил тут же оборвал смех. Его лицо на мгновение стало серьезным, почти жестким. Ледяной ветерок магии пронесся над водой, заставив туман расступиться на полсекунды и показать истинный масштаб зарослей позади них.

— Самый короткий путь, — отрезал он голосом, в котором не осталось ни капли дурачества. — Мы и без того делаем крюк. Впереди, севернее, пасется стадо гнильцов. Шесть особей. Они слепые, но чувствуют вибрацию шагов за милю. Ваши железные игрушки, — кивок на доспехи Бреннана, — звенят громче церковного колокола. А справа логово черных аллигаторов. У них сейчас брачный период. Очень ревнивые ящеры, крайне негативно относятся к незванным гостям во время спаривания. Так что да. Мы идем туда, где туман ест лица. Там хотя бы тихо.

3.1

Туман сгустился до состояния прокисшего молока. Он больше не висел облаком — он давил на плечи, забивался в ноздри, оседал холодной слизью на ресницах. Свет здесь умирал. Даже лучи полуденного солнца, пробиваясь сквозь кроны исполинских черных дубов, превращались в тусклую, болезненно-зеленую взвесь. Тишина стала плотной, осязаемой. Не было слышно птиц, не стрекотали насекомые. Единственным звуком оставался чавкающий ритм шагов отряда да тяжелое, прерывистое дыхание Бреннана.

Риза шла второй, и ее терпение иссякало быстрее, чем воздух в легких. Каждый шаг отдавался тупой болью в икроножных мышцах — приходилось высоко поднимать колени, чтобы не оставить сапоги в засасывающей грязи. Она видела, как Ил впереди буквально скользит над топью. Его босые ноги — когда только успел разуться? — касались черной воды так легко, что круги расходились лишь намеком. Он то перепрыгивал через гниющие стволы, используя их как трамплины, то замирал, пригнувшись к ветру, словно гончая.

Его беспечность была физическим оскорблением для всех остальных.

«Самый короткий путь», — мысленно передразнила она его, чувствуя, как желчь подступает к горлу. Риза уже почти жалела, что вообще открыла рот там, у костра. Лучше бы они утонули в первой луже, пытаясь обойти патруль Серых Плащей по кругу. Там хотя бы смерть

была понятной: сталь, боль, возможно, быстрая милость от клинка Найри. А здесь... Здесь смерть не торопилась. Она просто медленно переваривала их заживо вместе с этим лесом.

— Если ты заведешь нас в пасть к демонам ради красивого вида, я лично скормлю тебя тем самым аллигаторам, — процедила она сквозь зубы, обращаясь к спине Ила. Голос прозвучал глухо, вязко, увязнув в тумане.

Ил обернулся. Угольная родинка на переносице размазалась, превратившись в черную кляксу безумия. Он улыбнулся — широко, безмятежно, демонстрируя идеальные зубы.

— Демоны берут ипотеку за свои пасти, милая! У них сейчас кризис ликвидности! — пропел он, но тут же сбился на серьезный тон, заметив выражение ее лица. — Расслабь челюсть, грозовая тучка. Ты скрипишь зубами громче, чем Торбин своими шестеренками. Хищники чувствуют гнев. Гнев пахнет адреналином. Мы для них сейчас — накрытый стол, потому что рыцарь сзади потеет страхом.

Бреннан действительно шел мрачной, сгорбленной башней. Его ладонь лежала на навершии меча так крепко, что побелели костяшки. Доспех покрылся ржавыми пятнами за считанные часы, каждый сустав ныл от ледяной воды. Рыцарское достоинство осталось где-то на сухом берегу три мили назад. Сейчас это был просто загнанный зверь, пытающийся выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.